

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ

ОБМАНУТЫЕ ЗВЕЗДЫ

РАССКАЗ ФЕТ-АЛИ-АХУНДОВА

Фет-Али Ахундов родился в 1811 году в городе Нухе Бакинской губ. Родные Ахундова (родители его рано умерли) дали ему хорошее мусульманское образование, так как хотели сделать его муллой. Но не лежало сердце даровитого юноши к этому рода деятельности. Он не оправдал ожиданий своих родственников, бросил изучение мусульманского богословия и юриспруденции и поступил в только что открывшуюся в его родном городе русскую школу для мусульман. Такие школы, обыкновенно, являлись поставщиками военных и гражданских чиновников из туземцев на наших окраинах. И Ахундов по окончании курса поступил на казенную службу и дослужился до чина капитана.

Еще на школьной скамье он зачитывался Пушкиным, а в особенности Гоголем. Знакомство с последним оказало большое влияние на Ахундова, уже в молодые годы обнаружившего страсть к писательству.

Однако, его первые опыты ничем не отличаются от произведений других азербейджанских поэтов того и предшествующего времени. В то время в азербейджанской литературе господствовал своего рода ложно-классицизм. Произведения корифеев персидской поэзии считались непререкаемыми образцами, подражать которым было обязательно, и отступать от которых было невозможно. Понятно, как далека от жизни была эта подражательная литература, часто обращавшаяся в простую игру словами.

Знакомство Ахундова с русскими авторами открыло ему новые литературные формы, доселе еще не встречавшиеся у турецких народов, и он решил перенести их на почву родной поэзии. Творчество Ахундова проявилось в сатире, главным образом, в области комедии. До Ахундова турецкие народы не имели драматической литературы, если не считать народного театра. Комедии Ахундова оказались первым опытом, и не плохим. Остроумие и занимательность фабулы, живость изображения, богатство бытовых деталей отличают его комедии, а также и печатаемый ниже рассказ. Сатира ближе, чем другие роды литературы, соприкасается с жизнью, с бытовой ее стороной, и комедии Ахундова служат богатым источником для знакомства с бытом закавказских и персидских мусульман. Не всегда Ахундов брал темы для своих произведений из современной ему жизни. Среди них есть такие, содержание которых взято из прошлого Азербейджана и Персии. К их числу относятся и переведенный нами рассказ «Обманутые звезды». Красочность изображения обычаев и нравов шахского дворца, отношений между царем и подданными, портреты сановников и царедворцев знакомят нас с историей Востока лучше иного многогомого труда.

Необходимо особо отметить, что Ахундов заимствовал из европейской литературы не одну только драматическую форму: на всем характере его творчества лежит европейский отпечаток. Этим он отличается от многих своих собратьев, новых писателей у других турецких народов. Вожди новой османской литературы, Намык Кемаль-бей и Абд-уль Хакк Хамид, пользуясь новыми для них формами романа, повести, драмы, во всех приемах своего творчества и в своем подходе к действительности остаются прежними турками-османами, и никакой речи не может быть о родстве этих

двух крупных писателей Турции с каким-нибудь писателем Европы. Не то Ахундов. Мы его уже сопоставляли с Гоголем. Теперь напрашивается другое сравнение.

Содержание рассказа Ахундова, заключающееся в том, что на место настоящего шаха, в силу разного рода случайностей, становится другое лицо из другой среды, которое, имея иные привычки и взгляды, приходит в столкновение с сложившимися во дворце и управлении порядками и мнениями, такой сюжет невольно приводит на память известное произведение Марка Твена «Принц и нищий». Но герой рассказа Ахундова — седельник Юсуф — не невинный, неискушенный в жизни мальчик. Это — взрослый, опытный человек, изучивший и жизнь, и книги. Он сознательно берется за дела правления, имея заранее составленный план улучшений.

Юсуф не имел успеха в своих начинаниях, его разумные планы потерпели крушение, столкнувшись с испорченностью человеческой природы, что по всему видно, что автор считает эту испорченность легко устранимой, и немного, по его мнению, нужно, чтоб окончательно восторжествовал всемогущий разум.

П. Ф.

I

В начале царствования шахов из дома Сефевидов столицей Персии был Казвин. После разного рода событий Мемед-шах Сефевид передал царство сыну своему шаху Аббасу I. Шесть лет процарствовал шах Аббас, и начинался уже седьмой год его правления, когда случилось то, что здесь описано.

Было начало весны. Прошло три дня после нового года. Шах Аббас в третьем часу пополудни сидел во дворце со своей красавицей Сельма-хатуней и наслаждался беседой, когда в комнату вошел главный евнух Ходжа-Мубарек и, после приветствия, доложил, что главный звездочет мирза Садр-эл-Дин просит приема у царя, убежища мира, по очень важному делу. Шах сделал знак Сельма-хатуне, чтобы она шла в гарем, а евнуху приказал:

— Позови мирзу Садр-эл-Дина.

Главный звездочет вошел к шаху, приветствовал его, и, встав перед ним со сложенными руками, произнес молитвы и благословения. Шах спросил:

— Что случилось, мирза?

Главный звездочет доложил:

— Да здравствует шах, прибежище мира! По движениям звезд мне стало известно, что через пятнадцать дней после нового года сблизятся друг с другом звезды Марс и Скорпион. А действие этих несчастливых звезд таково, что всех государей в восточных странах, а в особенности в Персидском царстве, постигнет великая беда. Поэтому я, верный и преданный слуга вашего высокого дома, считал долгом заранее доложить об этом шаху, прибежищу мира.

Шах был в то время очень молод. Только что минул двадцать второй год его жизни. А, ведь, известно, как дорога и приятна жизнь в этом возрасте, — в особенности, в высоком чине или на царском троне. Поэтому, слова главного звездочета сильно опечалили молодого шаха. Он побледнел

и готов был лишиться чувств. Через минуту он поднял голову и сказал мирзе Садр-эд-Дину:

— Хорошо, можешь идти.

Главный звёздохет поклонился и вышел. Шах, оставшись один, с полчаса предавался горьким думам, а потом крикнул Ходжу-Мубарека. Когда Ходжа вошел, он ему приказал:

— Пошли сейчас же фетраша ¹⁾, пусть он позовет ко мне везира мирзу Мухсина, главнокомандующего Заман-Хана, министра финансов мирзу Яхью и главного муллу Ахунда Самада.

Ходжа вышел, и через некоторое время призванные лица явились. Оказав шаху все полагающиеся ему почести, они ожидали приказаний. Шах сказал:

— Я призвал вас для совещания по одному делу. Вам необходимо обратить на него особенное внимание. У нас будет чрезвычайное заседание, и я разрешаю вам сесть.

Те повиновались. Шах сообщил им, что ему сказал главный звёздохет, и спросил:

— Ну, как, по вашему мнению, я могу отвратить от себя это несчастье?

Присутствующие не знали, что сказать. После минутного молчания начал говорить везир мирза Мухсин:

— Ясна и очевидна преданность вашего покорного слуги интересам этого высокого государства. Шах, прибежище мира, конечно, помнит, что в дни царствования их великого отца государственная казна, по причине того, что к везирской должности были допущены разные неразумные лица, почти не имела наличных денег. Когда она до такой степени опустела, я взялся за дело и постановил, что, если кто из придворных получит какое-нибудь поручение или будет назначен на должность в провинции, он, смотря по обстоятельствам, обязан принести казне в подарок некоторую сумму; и еще распорядился, что, если шах, убежище мира, осчастливит своим посещением дом какого-нибудь вельможи, то хозяин дома должен ему дарить дорогие ткани, и опять-таки некоторую сумму денег. И вот, благодаря такого рода мерам, теперь, в седьмой год после вступления на престол вас, прибежище мира, государственная казна, благодарение господу богу, полным полна деньгами. А уж как бестолково велись дела в везирском ведомстве перед этим, ваш покорный слуга и рассказать не сумеет. Но придумать что-нибудь против звезд я, ей-богу, не в силах.

Потом стал говорить главнокомандующий Заман-хан:

— Борода моя поседела на верной и преданной службе высокому государству. Вот, например, десять лет тому назад в Османском царстве, когда там военным министром был Демирджи-оглу Бекир-паша, решили напасть на Персидскую землю с семьдесятю тысячами войска. Ваш великий отец, прибежище мира, поручил мне командование персидским

¹⁾ Гонимец.

войском. Наше войско не уступало по численности османским полчищам, но я боялся утруждать нашу богохранимую армию борьбой с теми безбожными ордами и приказал, чтобы во всех деревнях от османской границы до крайних пределов Азербейджана уничтожили посевы и угнали весь скот, сломали мосты и испортили дороги. Когда Бекир-паша вступил в наши пределы, он не встретил ни одного человека из нашей армии, но зато дороги были так испорчены, что он совсем не мог везти с собой артиллерию, и только с кавалерией да пехотой с трудом добрался до Тавриза. Он послал во все стороны отряды за провизантом, но ему не попалось ни зерна, ни быка, ни барана, и он поневоле через три дня, разочарованный и печальный, голодный и удрученный, бежал из Тавриза с барабанным боем. Благодаря таким мерам, Персия спаслась от вражеского нашествия. Порча дорог и разрушение мостов показались столь полезными, что после бегства Бекир-паши было решено оставить их в том же положении. Избегая сражений с коварным врагом, мы сохранили все богоспасаемое войско высокого государства от насилий соседа-неприятеля, и ни у одного солдата даже и нос не окровавился. В таких делах выказать распорядительность эта старая собака вашего высокого дома еще может, но придумать средство против звезд я не могу.

Страх шаха все увеличивался. Начал говорить министр финансов мирза Яхья:

— Ваш покорный слуга родственник и сердечный друг везиря и при его помощи достиг своего чина. Поэтому я в своей искренней и преданной службе во всем следую его благоразумным планам и правилам. По вашему, убежище мира, приказанию и по моему предписанию жалованье войску и чиновничеству велено было платить из доходов провинций, потому что в государственной казне не доставало денег, как об этом говорил уже везирь. Я горевал и сокрушался. Хоть и скрепил я подписью ваши повеления и разослал по провинциям, чтоб из-за невыдачи жалованья у народа не уменьшилась преданность к высокому государству, но заранее я всем губернаторам разослал секретные предписания, чтоб они остерегались выдавать жалованье по точному смыслу указа. Благодаря таким мерам, доходы государственной казны увеличились во много раз, а солдаты и чиновники, хоть и не получали жалованья, но так как то было время мира и спокойствия, и в Персии была большая дешевизна, то они и не нуждались. На счет таких вот дел мой ум ловок, но против влияния звезд, ей-богу, он ничего не может придумать.

Пришла очередь говорить главному мулле:

— «Да сохранит всемогущий господь бог молитвами великих и чистых святых драгоценное здравие прибежища мира от всех небесных и земных напастей! Нельзя описать верность и преданность славного дома Сефевидов интересам этого богомольца за сохранение и продолжение вашей могущественной державы. В царствование великого отца вашего, когда я был возведен в сан главного мутлы, половина Персии, даже половина жителей столицы, были расколыниками-суннитами. И вот, красноречивыми проповедями, да разными

замучиваниями и всех еретиков-суннитов привел на правый путь поклонения двенадцати святым имамам. Теперь, благодаря Богу, во всей Персии не найти больше пяти-шести человек суннитов. В этом отношении я очень доволен персидским народом за то, что он по одному только приглашению оставил старую веру, доставшуюся ему от отцов и дедов, и поспешил на правую дорогу. Я даже хотел припиться за евреев и армян, чтобы и их тоже обратить в нашу шиитскую веру. Да некоторые благоразумные люди не посоветовали, не сочли это нужным: в каждой-де земле есть немного армян и евреев, надо, чтоб и в нашей их немножко было. А то вот еще: по священному преданию от святых имамов в мусульманских государствах цари, сидящие на троне, не считаются священными особами, повиноваться которым необходимо при всяких обстоятельствах. Это говорится только про святых имамов да про их наместников, ученых муджахидов ¹⁾. Вот я и приказал всем проповедникам в провинции внушать народу с амвонов, что все эти предания дома Сефевидов не касаются, так как Сефевиды происходят из рода пророка и семейства имама, а известно, что святые имамы устанавливали законы для других, а не для своего семейства. Теперь, когда жизнь прибежища мира из-за движения звезд в опасности, сердце мое от скорби жарится, как рыба на сковородке. Маленькому разуму моему кажется, что проклятый главный звездочет лучше нашего знает это дело. Это прямая измена шаху — сказать о движениях звезд и не сообщить средства против них. Невозможно, по моему смиренному разумению, показать яд и не указать противоядия. Да и великий пророк изволил сказать, что все, мол, звездочеты обманщики. Эти слова я направляю против них, а не против их науки, так как, большею частью, их предсказания оправдываются. Но сами-то они лгуны и негодяи. Пусть прибежище мира призовет его самого, да и спросит о средствах отвратить это несчастье. Если станет отплевывать, то прикажи отрубить ему голову.

У главного муллы была старинная вражда с главным звездочетом, и он счел этот случай очень удобным для того, чтоб, как следует, насолить ему, да заодно и другим звездочетам. Да и глуп же, по правде сказать, этот главный звездочет! Ну, какая ему была нужда сообщать шаху эту неприятную новость, давать повод таким разговорам и самого себя подвергать опасности? Когда такие речи передали впоследствии главному звездочету, он ответил:

— Я боялся, что если я раньше не сообщу про это шаху, об этом донесут ему другие звездочеты, и я в глазах шаха окажусь ничего непонимающим ослом и буду отставлен от должности.

Как бы то ни было, шах чувствовал себя плохо из-за этой неприятной новости, которую он услышал от звездочета. Он и без наветов главного муллы сердился на него. Громким голосом позвал он Ходжу-Мубарека, а когда Ходжа явился, приказал.

¹⁾ Авторитетнейшие представители класса ученых законоведов, разъяснения которых не подлежат критике и принимаются беспрекословно.

— Сейчас же пошли ферраша, пусть он приведет ко мне главного звездочета. — Ходжа повернулся, и через час главный звездочет был у шаха. Шах, точно расвишпепевший лев, приподнялся и стал выговаривать:

— Ах, ты, проклятый! Напугал меня несчастьем, которое сулят звезды, а средство против несчастья скрыл! Палача! — Тотчас же вошел страшный палач с кнжиком за поясом и с веревкой в руке. У главного звездочета и дуна воп — задрожал, как лист. А шах палачу приказывает:

— Сейчас же руби этой собаке голову!

Главнокомандующий Заманхан, хоть и военный, был человек мягкосердечный. Он сжалился над главным звездочетом, встал и доложил шаху:

— Да буду я за вас жертвой! Когда отрубят голову этой собаке, то у кого же мы спросим про средство для отвращения несчастья? Я униженно прошу, ради белых волос моей бороды, отмените казнь, спросите у него, какие меры нужно принять против несчастья, которое сулят звезды. Если он не даст настоящего ответа, тогда мы и осудим его на казнь.

Шах велел палачу оставить звездочета и выйти. Потом, обратившись к главному звездочету, сказал:

— Ну, проклятый, сейчас же говори, какие меры нужно принять против беды!

Бедняга звездочет был в трудном положении; он не знал, какую предложить меру. От страха он не мог ничего сообразить. Наконец, сказал:

— Да буду я жертвой за вас! Предупредить несчастье можно. Дайте только мне час сроку, я пойду посмотрю в астрономические таблицы, составленные Улуг-беком ¹⁾, а потом вернусь и доложу.

В астрономических таблицах Улуг-бека никогда ничего не было написано о предупреждении несчастий, но главный звездочет хотел воспользоваться этим предлогом, чтоб посоветоваться с мевляной ²⁾ Джемаль-эд-Дином, которого он считал более себя опытным в науке о звездах. Шах отпустил его, но главный звездочет еще не вышел, как вошел Ходжа-Мубарек и доложил, что мевляна Джемаль-эд-Дин просит у шаха приема. Шах велел позвать его и главному звездочету приказал:

— Останься здесь не надолго.

Мевляна вошел в комнату, оказал шаху, какие полагаются, почести и по знаку шаха сел. Потом он сказал:

— Да здравствует прибежище мира! Ваш покорный слуга, по причине своей старости, отстранился от дворца и выбрал себе сидение в углу. Но в это время, когда в пятнадцатый день после нового года сблизятся друг с другом звезды Скорпион и Марс и с священной особой шаха, прибежища мира, возможно, случится большое несчастье, я счел своим долгом осчастливить себя посещением шаха, сообщить ему заранее про звезды и предложить против опасности кой-какие меры, которые, сохрани Бог, могут быть неизвестны молодым звездочетам.

¹⁾ Правитель Туркестана (1447—49). Отличался любовью к науке, в особенности, к астрономии.

²⁾ Титул высших духовных лиц.

Шах очень обрадовался и приказал:

— Мевляна, мы как раз совещались об этом деле. Про звезды известно, а ты расскажи, какие нужны меры.

Мевляна сказал: — Пусть шах, прибежище мира, в эти несчастливые дни, то-есть, пока не пройдет пятнадцать дней после нового года, откажется от власти и передаст свой трон и свою корону какому-нибудь преступнику, достойному смертной казни, а сам пусть скроется с глаз народа. Таким образом, действие звезд падет на голову преступника, так как он в то время будет дарем Персии. Когда несчастье случится, и тот преступник, которому будут принадлежать трон и корона, погибнет, тогда шах, прибежище мира, выйдет из своего убежища, где он скрывался, и опять будет владеть короной и троном и будет царствовать в полном счастье и здравии. Но пусть никто из народа не знает об этих мерах и не думает, что шах, прибежище мира, временно отказался от короны и трона и возвел на престол преступника. Пусть признают его настоящим дарем. Необходимо еще дать развод женам в гареме и разорвать брачные записи. А потом предложить женщинам, не выйдут ли они еще раз за Аббаса, сына Мемеда, но не шаха, а простого человека из народа, чтоб с ним делить нужду и бедность. Всякую, которая на это согласится, обручить с Аббасом, сыном Мемеда, и написать брачные записи, а тех, которые не согласятся, отпустить.

Главный звездочет был спасен от гибели. С лица шаха исчезли все следы испуга. Бледность сменилась румянцем. У всех присутствующих вырвался громкий крик одобрения уму и способностям мевляны. Шах радостно обратился к главному мулле и спросил:

— Есть ли у вас на виду такой большой преступник против закона, который был бы достоин смерти, чтоб ему передать царство, трон и корону?

Главный мulla отвечал:

— Да подаст Создатель счастливую жизнь шаху, прибежищу мира! В Казвине появился бездельник, такой, что на всей земле не найдется никого более преступного и более достойного смерти. Его зовут седельник Юсуф. Неизвестно, где он получил воспитание, но теперь, когда он поселился в Казвине, к нему стал приходить в ученики разный сброд, и он пустился болтать своим языком всякую ложь и хулу на благородных ученых и служителей светлого закона. Этот проклятый открыто учит своих учеников, что будто благочестивые знатоки закона обманывают народ. По его мнению, например, совсем ненужно муджахидов. Противно закону отдавать часть дохода или сбор на имама. Будто правоведы потому не считают возможным для простого народа придерживаться мнений покойных законов-дов-муджахидов, что из-за этого им нечего было бы толковать законы и не откуда было бы получать доход. Да, кроме этого, толкует еще и про наше высокое государство: говорит, что все начальство, от старосты в деревне до шаха — притеснители и разбойники, что от них государству и народу никогда никакой пользы не было, что они, подчиняясь своим страстям и желаниям, только мучили и притесняли несчастный народ. В своих поступках они не подчиняются никакому закону и никаким правилам. Такого-де рода

поведение прилично только тиранам и разбойникам. Говорят про него, что он проповедует о переселении душ. Смиранный богомолец о долголетию сильной державы вашей полагает так, что шаху — прибежищу мира нужно передать трон и корону этому мошеннику, чтобы он, благодаря действию звезд, получил достойное его наказание и отправился в преисподнюю.

Все присутствующие на заседании согласились с этим мнением и громким голосом подтвердили:

— Да, этот проклятый седедьник Юсуф вполне достоин смертной казни и небесных напастей.

Шах повеселел и сказал:

— Я согласен на его смерть. Завтра утром это и будет приведено в исполнение. — Присутствующие на заседании получили разрешение уйти, и собрание разошлось.

Может быть, читатели усомнятся в истинности рассказываемых происшествий и сочтут это вымыслом. В таком случае я прошу их почитать в книге, под заглавием «История, украшающая мир», о событиях в седьмой год после восшествия на престол шаха Аббаса.

На другой день после описанного выше заседания по приказу шаха в шахский дворец сошлись все вельможи, дворяне, высшие чины государства, ученые законоведы, священство и вообще все чиновничество от деревенского старосты до везира. Всякий стоял на своем месте в полном молчании и неподвижности, дожидаясь выхода шаха. И вот шах появился с короной на голове и с украшенным бриллиантами жезлом в руке; на нем были усаженные драгоценными камнями нарукавники, красивый пояс и меч. Он поднялся и сел на трон, который стоял под балдахинном, возвышавшимся на аршин над полом, с открытыми занавесями; он со всех сторон был виден народу. Обратившись к присутствующим в приемном зале, он сказал: «Господа, теперь уже седьмой год, как я, по соизволению Всевышнего Господа Бога, царствую над вами. По мере своих сил я оказывал каждому из вас милости и ласки. И вами я много и много доволен, так как все вы из-за любви к дому Сефевидов выказывали мне преданность и верность. Ныне, по причине некоторых затруднений, открыть которые вам я не считаю нужным, я принужден отказаться от царства и передать трон и корону кому-нибудь другому, кто более меня был бы достоин этого высокого места. Такого человека укажут вам главный мулла, главнокомандующий Заман-хан, везирь, министр финансов, мевляна Джемаль-эд-Дин и главный звездочет. Нужно, чтобы вы все торжественно и с пышностью пошли к нему, привели его и, возведя на престол, признали бы его своим самодержавным царем и повиновались бы этому человеку, который наследует мне по моему повелению». Когда шах кончил свою речь, он снял корону и положил ее на трон, снял все свои пышные одежды, меч и пояс и набросил на себя старую изношенную одежду. Потом еще раз обратился к народу и сказал:

— Теперь я нищий из среды народа Аббас, сын Мемеда. Не ищите меня, так как все равно не увидите. Господи, благослови». — Он сошел с трона и пошел в гарем.

Все обитательницы гарема по приказанию шаха собрались в одну комнату, дожидаясь его. Шах вошел в комнату в пополенной одежде. Гаремные красавицы, увидев его в таком виде, чуть не расхохотались. Но суровый вид и нахмуренные брови шаха удержали их от этого. Шах приказал Ходже-Мубареку:

— Приведи муллу Русуля с его двумя товарищами.

Муллы уже ранее пришли и стояли у дверей. Когда они вошли, шах дал знак сесть. Потом, обратившись к гаремницам, сказал:

— Мои дорогие супруги, с крайним сожалением я должен сообщить вам неприятную новость. Да будет вам известно, что я отныне не царь Персии. У меня нет средств содержать вас во дворцах, давать украшения и наряды. Я — бедняк из среды народа и ничтожный человек. Необходимо поэтому дать вам развод и освободить вас, чтоб вы могли выйти за того, кого полюбите.

Потом, обратившись к мулле Русулю, приказал:

— Разведи их со мною.

Муллу Русуля каждой гаремнице прочел формулу развода в присутствии двух свидетелей. Гаремные красавицы, видя такие события, страшно перепугались. Они не знали, что и подумать, так как никогда этого не бывало. Все были в страшном изумлении.

Когда обряд развода кончился, Ходжа-Мубарек по приказанию шаха разорвал их брачные записи. Шах еще раз обратился к гаремным красавицам и сказал:

— Если какая-нибудь из вас, не боясь бедности и нищеты, захочет выйти за меня, Аббаса, сына Мемеда, то я снова велю прочесть формулу брака.

Все гаремницы пожелали снова выйти за шаха, так как шах был юн и красив. Да, кроме того, они все это считали за шутку, никому из них и в голову не приходило, чтоб шах Аббас неожиданно стал Аббасом, сыном Мемеда. Но были среди них две красавицы, которые против своей воли попали в шахский гарем, и они робко, тихим голосом, заявили:

— Мы вышли за джаря и были очень довольны своим счастьем и своим саном. А теперь, когда мы этого счастья лишились, мы не хотим выходить замуж за Аббаса, сына Мемеда.

Тотчас же обе они были отпущены. Все же прочие гаремницы были снова обвенчаны с Аббасом, сыном Мемеда, и Ходже-Мубареку было приказано всех их пешком свести в один определенный дом в начале шестой улицы Казвина. Сам Ходжа-Мубарек потом должен был вернуться во дворец, в приемный зал. Аббас, сын Мемеда, вышел из гарема и скрылся.

Мастерская седельника Юсуфа была расположена на восточной стороне площади при шахской мечети. Было два часа пополудни. Седельник Юсуф, совершив полуденную молитву, сидел и шил узду, которую заказчик просил его приготовить именно в тот день. С ним сидели двое его друзей и слушали его речи. Седельник Юсуф жаловался на дороговизну, из-за которой

несчастные бедняки в том году терпели большую нужду. В конце прошлого года по причине засухи и недостатка воды в окрестностях Казвина большая часть посевов сгорела и погибла. Это и было причиной дороговизны. Седельник Юсуф говорил:

— Удивляюсь я этому правительству: есть тысячи способов провести в Казвин воду, но оно так беспечно, что совсем не обращает на это внимания и не думает о своих подданных и о благоустройстве своей столицы.

В это время на западной стороне площади поднялось облако пыли. Седельник Юсуф, не выпуская из рук иглы, поднял голову и увидел целую процессию. Но ему и в голову совсем не приходило, что эта процессия направляется к нему. Как раз на него шли двенадцать скороходов в одеждах из крученого шелка и в четырехугольных шапках; за ними шли двенадцать знаменосцев с разноцветными знаменами; потом — отряд прислужников, на голове одного из них был поднос; ферраши с палками в руках, а за ними главный конюший вел в поводу туркменского коня с разукрашенным драгоценными камнями седлом и сбруей; на коне была расшитая золотом уздечка, жемчужная перевязь на плечах, изумрудный кутас на шее. А за ними шли в полном величии и торжественности главный мулла, главнокомандующий Заман-хан, везирь, министр финансов, мевляна Джемаль-Эд-Дин, главный звездочет, почтенные законоведы, священство и прочие знатные, именитые и чиновные лица. Они приблизились к мастерской седельника Юсуфа и все остановились. Главный мулла и главнокомандующий приподнялись на стремена и поклонились седельнику Юсуфу. Седельник Юсуф почтительно встал, крайне удивленный. Тогда главный мулла начал говорить:

— По воле судьбы, мастер Юсуф, сегодня ты — наш государь. Теперь уже нет на персидском троне шаха Аббаса. Сделаю нам честь и осчастливив нас, пожалую в царский дворец, чтоб торжественно вступить на престол.

Крайне удивленный седельник Юсуф не мог понять, что это значит. Перед ним стояли все сановники страны. Такие речи говорил ему главный мулла, который по всей Персии считался солидным человеком. Но это было до такой степени удивительно, что седельник Юсуф не мог поверить, хотя и видел все собственными глазами. Наконец он собрался ответить:

— Виноват, господин главный мулла, я считал ваше степенство одним из серьезных людей в Персии, и не знаю, помешались вы или шутите, что говорите мне такие речи. Я — простой дяденька седельник и никакого касательства не имею к престолу и короне. Ей-богу, я не могу понять, чему приписать ваш поступок. Я совсем сбит с толку. Почтительнейше прошу, не шутите со мною.

Тогда начал говорить главнокомандующий Заман-хан:

— Мастер Юсуф, ты теперь прибежище мира, и все мы твои рабы и псы на твоём пороге. Тебе неприлично почтительнейше просить нас, а надлежит по-царски повелевать. Мы не помешались и не шутим. Все мы в здравом уме и твердой памяти. Предписания всевышнего господа бога неизменны. Сегодня по всей Персии признана твоя власть. Соизволь пожаловать, как предлагал главный мулла, в царский дворец, чтоб торжественно воссесть на престол.

Потом, обернувшись к стоявшим тут четырем прислужникам, сказал: — Принесите царские одежды и оденьте прибежище мира.

Прислужники вошли в мастерскую, неся в руках поднос, на котором лежали царские одежды, поставили поднос на пол и стали раздевать седельника Юсуфа, снимать его поношенное платье и облачать его в царские одежды. Седельник Юсуф не сопротивлялся, а покорно стоял, позволяя им делать все, что они хотят. Наконец облачение кончилось. Главный конюший подвел лошадь в красивой уздечке. Седельника Юсуфа усадили на нее, и процессия тем же порядком двинулась во дворец. Поминутно на улицах раздавались крики феррашей: «расходитесь! расходитесь!» Жители Казвина, мужчины и женщины, старые и малые, высунулись в окна, вышли на крыши и смотрели, и так как никто ничего не знал, то все были очень удивлены.

У ворот царского дворца ферраши помогли седельнику Юсуфу сойти с коня. Главный мулла и главнокомандующий Заман-хан взяли его под руки и с почтением ввели в тронный зал. Там они посадили его на царский трон, и все сановники государства, ученые правоведы, священство, именитые и благородные, и все чиновничество встали рядами перед троном и почтительно сложили руки. Главный мулла прочитал молитву и возложил царскую корону на голову седельника Юсуфа, потом опоясал его разукрашенным поясом, повесил меч, одел усаженные драгоценными камнями паруканники и дал в руки прекрасный жезл. Потом опять прочитал молитву и обратился к собравшимся:

«Приветствуйте государя!» — и в небеса полетели приветственные крики, отражаясь от стен дворца; раздались веселые звуки флейт, и вверх взвились ракеты. Это было знаком, и в крепости, расположенной за городом, произвели сто десять салютных выстрелов. Хотя после знаменитых поэтов Саади и Хафиза поэзия в Персии упала, и стихи поэтов были бессодержательны и пустословны, но, благодаря господу богу, в то время нашлось несколько человек, обладавших поэтическим талантом. Они экспромтом сочинили блестящие оды на восшествие на престол шаха Юсуфа, в которых описывалось это торжество и сам он сравнивался по мудрости с Соломоном, по щедрости с Хатимом ¹⁾, по храбрости с Рустемом ²⁾ и по могуществу с самой судьбой. Казвинские остроумцы сочинили даже стишки-хронограмму ³⁾ на это событие:

Наш Юсуф — не тот Иосиф,
Что красой был славен встарь;
Он — не царь среди красавцев,
Но зато он персов царь.

¹⁾ Хатим или полное Хатим Таи — герой арабских легенд, отличавшийся чрезвычайной щедростью.

²⁾ Рустем — персидский богатырь, герой знаменитой поэмы «Шах-намэ».

³⁾ В мусульманских азбуках, как и в нашей славянской, буквы имеют еще значение цифр. Хронограммами называются такие стихи, в которых, если подставить, вместо букв, цифры, выйдет год, месяц и число, в которые совершилось описываемое событие, в данном случае восшествие на престол шаха Юсуфа.

Когда торжество кончилось, главный мулла объявил народу:

— «Можете расходиться!»—Все вышли из дворца. Остался только шах Юсуф на своем троне. Перед ним стоял евнух Мубарек с другими евнухами, несколько прислужников со своим начальником Азым-беком, а снаряды были ферраши. Шах предавался раздумью. Через некоторое время он спросил Ходжу-Мубарека:

— Кто вы такие?

Ходжа-Мубарек ответил:

— Мы смиренные и преданные евнухи вашего гарема; я — их начальник, а они — мои подчиненные.

Потом шах повернулся к прислужникам и спросил:

— А вы кто?

Начальник прислужников Азым-бек отвечал:

— Мы — ничтожные слуги ваши, прислужники. Я — их глава, а они — мои подручные.

Шах Юсуф спросил:

— А кто это вы видите за дверями?

Азым-бек ответил:

— Это — ферраши, готовые служить вам.

Шах Юсуф приказал:

— Вы выйдите вон, и твои подчиненные, Ходжа-Мубарек, пусть выйдут, а ты сам останься.

И вот, когда все вышли, шах Юсуф подошел к себе Ходжу-Мубарека и сказал:

— По твоему лицу я вижу, что ты, должно быть, хороший человек. Скажи мне, почему это все так произошло. Ведь, ты постоянно находился в покоях шаха Аббаса. Невозможно, чтоб тебе это было неизвестно.

Случайно Ходжа-Мубарек был, действительно, человек очень честный и справедливый. Он подумал:

— Нехорошо от государя скрывать правду.

Так как он всегда находился за дверями той комнаты, в которой сидел шах Аббас, чтобы тотчас явиться, когда позовут для чего-нибудь, то он знал все, что произошло в предшествующие дни и слышал все совещания и разговоры между вельможами. Он знал все и рассказал про это от начала до конца шаху Юсуфу. Шах Юсуф спросил:

— А где шах Аббас?

Ходжа-Мубарек ответил:

— Он переселился нищим и скрылся, и теперь неизвестно, где он.

Шах Юсуф был человек умный. Он звезд не боялся. Но такое необычное возвышение его пугало. Все же, в конце концов, он не видел возможности отказаться от власти, раз ее навязало ему столько народу. Поневоле он принялся за дела правления. Прежде всего, он велел явиться начальнику феррашей Асад-беку и приказал ему:

— Сейчас же возьми с собой двенадцать феррашей, арестуй и приведи главного муллу Ахунда Саманда, главнокомандующего Заман-хана,

везиря мирзу Мухсинна, министра финансов мирзу Яхью, главного звездочета мирзу Садр эд-Дина и мевляна Джемаль-эд-Дина. Посади их в тюрьму в крепости. Когда ты исполнишь приказание, вернись и сообщи.

Асад-бек поклонился в землю и отправился. Тогда шах Юсуф позвал начальника прислужников Азым-бека и приказал:

— Распорядись, чтоб мне приготовили ужин, а то я сегодня ничего еще не ел.

Начальник прислужников доложил:

— Я уж распорядился. Повара готовят ужин.

Шах приказал:

— Теперь подите сюда, ты и Ходжа-Мубарек. Покажите мне одну за другой все комнаты и гарем. Объясните, где моя спальня.

Начальник прислужников и Ходжа-Мубарек пошли перед ним и стали показывать комнаты одну за другой. В первой комнате были разостланы разноцветные ковры, стены и потолок были расписаны изображениями чудесных цветов, трав и птиц. И вторая комната была устлана коврами, а на стенах были изображения покойных шахов из дома Сефевидов и знаменитых даревичей. В третьей комнате на стенах были нарисованы портреты государей из других персидских династий. В четвертой комнате на стенах были нарисованы древние персидские богатыри и мазандеранские ¹⁾ демоны, о которых говорится в поэме «Шах-намэ»; они бились между собою, демоны были с рогами и хвостами. На стенах пятой комнаты были изображены войны, которые вел шах Исмаил ²⁾ Сефевид. Стены всех комнат гарема были расписаны изображениями девушек и юношей; юноши почтительно подавали девушкам букеты цветов, а девушки юношам подносили бокалы. В каждой комнате была приготовлена постель. Шах Юсуф назначил себе спальней одну из комнат гарема и спросил у Ходжи-Мубарека:

— Какая комната в гареме гардеробная?

Ходжа-Мубарек доложил:

— Это комната в самом конце. Но дверь ее заперта, и ключ у Аги Хасана, хранителя сундуков.

По приказанию шаха, начальник прислужников тотчас же привел хранителя сундуков. Открыли дверь гардеробной комнаты и показали шаху. Это была большая комната. В ней по всем стенам были расставлены сундуки. Подняли крышки сундуков и показали шаху редкостные и удивительные наряды и украшения. Там были дорогие кашмирские шали, изящные женские платья, ткани из чистого шелка, розы, серьги, кольца, сделанные из драгоценных камней, ожерелья из отборных кораллов. У шаха Юсуфа было три дочери, старшая — четырнадцать лет, средняя — двенадцати и младшая — восьми, да два сына, шести и четырех лет. Он каждой дочери выбрал по розе, по паре серег, по кольцу, по ожерелью, по полному

¹⁾ Мазендеран — провинция Персии на юге Каспийского моря. Считалась жилищем демонов.

²⁾ Исмаил Сефевид — первый шах из династии Сефевидов.

наряду и по шали. Жене выбрал наряд и шаль и, передав все это Ходже-Мубареку, приказал ему:

— Снеси это моей жене, которая живет на Второй Казвинской улице, в моем старом доме. Скажи ей, чтоб она обо мне не беспокоилась и послала бы ко мне завтра сыновей.

Ходжа-Мубарек взял с собою двух фerraшей и отправился. В это время зашло солнце. Начальник прислужников предложил шаху вернуться в первую комнату. Зажгли красные свечи. Накрыли на стол. Шах совершил омовение, прочитал молитвы перед едой и на сон грядущий и сел за стол. Прислужники принесли разнообразные кушанья. Шах кончил ужин, стол убрали. Принесли кувшин и поднос, шах вымыл руки. Принесли кофе — выпил. Подали кальян — закурил. В это время вошел начальник прислужников Асад-бек и доложил о том, что приказания шаха исполнены. Шах сказал:

— Хорошо, можешь идти. — Потом вернулся Ходжа-Мубарек, доложил о том, что все вещи доставлены на место и сказал:

— Супруга и дочери шаха в большом восторге от присланных вещей. И не только не беспокоятся о нем, но, наоборот, очень рады этому неожиданному событию. Они легли спать радостные и веселые.

Шах уже не беспокоился о своей жене и детях. Он расспросил еще кой о чем Ходжу-Мубарека и начальника прислужников. Прошло четыре часа после захода солнца. Шах встал и пошел в спальню. Он разделся и приказал начальнику прислужников:

— Караульному начальнику прикажи, чтоб он по-прежнему во всех местах расставил караулы.

Потом он накрылся одеялом и заснул. Начальник прислужников и Ходжа-Мубарек вышли и отправились каждый на свое место.

На другой день шах Юсуф пожаловал в приемный зал и велел позвать муллу Рамазана, Курбан-бека, мирзу Джемиля и мирзу Зеки, которые были его друзьями и которым он во всем доверял. Должность главного муллы он дал мулле Рамазану, главнокомандующим он назначил Курбан-бека, дав ему титул хана, везирство поручил мирзе Джелилю, а министром финансов назначил мирзу Зеки. Должность главного звездочета он упразднил, так как от нее государству и народу не было никакой пользы, один вред. Шах приказал, чтоб во все провинции, всем губернаторам были посланы грамоты и указы, чтоб они не смели приговаривать мусульман к смертной казни, когда на это нет законных оснований, чтоб они не дерзали, по одному только собственному желанию, присуждать людей к наказанию и смерти, отрезать у них носы и уши и выковыривать глаза. А вдобавок к указу в каждую провинцию были посланы надежные ревизоры познаться с состоянием провинций и с нуждами народа и, по возвращении обо всем доложить. Шах Юсуф призвал этих ревизоров к себе и сказал:

— Передайте от меня правителям провинций, чтобы они боялись бога, не чинили несправедливых дел, народ не притесняли и не разгоняли, не брали взятки и за верное знали, что такого рода поступки, в конце

концов, будут причиной их несчастья и гибели. Но если правители провинций довольствуются своим законным содержанием, они будут постоянно занимать свою должность, и народ будет их почитать, государи — ценить, и чины их день ото дня будут прибавляться.

С таким наставлением отпустил шах ревизоров. Потом он приказал насколько возможно понизить сумму поземельного налога, приказал везде строить новые дороги, в тех местах и на тех основаниях, где это нужно, велел построить мосты и караван-сарай. В каждой области распорядился открыть больницы и школы, в безводные местности велел провести воду. Вдовам и сиротам, парализованным и слепым оказывал помощь и покровительство. Он приказал, чтоб везде число ученых правоведов не превышало народной потребности в них.

Правосудие, которое есть одно из важнейших дел в государстве, он взял из рук ученых правоведов и поручил испытанным и верным чиновникам, чтобы народ в судебных делах не зависел всецело от ученых правоведов и не считал бы их единственным своим прибежищем и не удалялся бы от правительства. Он приказал, чтобы государственные земли повсюду были поручены четверем человекам из благочестивых людей и раздавались бедным в каждой провинции по особым спискам, и ведомости об этом присылались в шахскую канцелярию, и не было того, что одни из бедняков воспользуются государственными землями, а другие ничего не получают. Он распорядился, чтоб не сбиралась пятая часть ¹⁾ и отменил другие сборы на имама, чтоб потомок благословенного пророка не подвергался унижениям, выпрашивая милостыню, а подобно прочим людям зарабатывал бы себе хлеб каким-нибудь ремеслом. По провинциям было объявлено, чтоб впредь никто не смел делать подарки или приношения шаху, министрам или придворным, и чтоб никто не домогался такими подарками привлечь на свою сторону правительство: всякий должен был знать, что только его невиновность и беспорочная служба являются средством для его оправдания. Финансовое ведомство в каждой провинции было поручено особым доверенным лицам, под названием провинциальной казны. Государственные расходы назначались по особым книгам и в нужное время относились на счет провинциальной казны, а простой народ был совсем освобожден от забот о государственных расходах. Для увеличения доходов государства он постановил, чтоб купцы, низшее и высшее дворянство, члены шахской фамилии, а также ученые правоведы, священство и другие чиновные лица давали из своих доходов в казну: городские — одну десятую часть, а в деревнях — одну двадцатую. Было приказано, жалованье войску и служащим не задерживать, так как от этого вред государству, а выдавать без замедления из провинциальных казначейств. Было установлено, чтоб при продаже и покупке имений со стоимости имений взималось в пользу казны по

¹⁾ Пятая часть — первоначально та часть военной добычи, которая, по закону, следовала государю. Потом пятая часть стала взиматься не только с военной добычи, но и с других доходов. В Персии пятая часть шла в пользу потомков пророка.

пяти шахи ¹⁾ с томана ²⁾). Был уничтожен закон об обязательной продаже залогов, так как при таком законе тот, кто брал залог, отдавая в долг деньги, не был заинтересован в том, чтобы долг вернули, а, наоборот, заставлял нуждающегося к продаже заложенного имущества по низкой цене.

Когда главный мулла Ахунд Самад проведаль, сидя в крепостной тюрьме, что его сан и должность переданы мулле Рамазану, он с горя скоропостижно помер. А шах Юсуф еще приказал, чтоб были расширены казвинские улицы, а те места, где есть колодцы, велел покрыть, чтоб прохожие туда не падали. Он установил правила и порядок для выслушивания жалоб от населения и для суда и приказал, чтоб по причине дороговизны бедному населению Казвина выдавали из шахских амбаров пшеницу.

Потом еще шах созвал совещание из сведущих и искусных людей, чтоб обсудить, как провести воду в Казвин, велел составить и написать проект и подать ему на рассмотрение.

Прошла неделя после восшествия на престол шаха Юсуфа. Каждый день народ был свидетелем все новых и новых проявлений его мудрости и справедливости. Для Персии наступили дни благоденствия и счастья.

Но что толку? Человеческий род никогда не бывает доволен. Чего не доставало в раю отцу нашему Адаму и матери нашей Еве, что они нарушили повеление Божие и были изгнаны из рая? Таков уж человек! Жители Казвина не видели теперь каждый день, как на крепостных воротах вешали преступников, не наблюдали, как на шахской площади палач казнил людей, вздергивал их на виселицу, выковыривал им глаза. Это для них было очень удивительно. Сначала они говорили:

— Кажется, новый государь очень добрый и мягкий человек.

Потом начали рассуждать о его доброте и мягкости. Они приписали их глупости и слабости характера. Кроме этого, они находили еще в шахе Юсуфе тысячу других самых разнообразных недостатков. Короче говоря, жить под властью такого доброго государя показалось им очень тягостно. Отставленные от должности чиновники воспользовались таким настроением народа и не упустили случая извлечь из него выгоду. Каждому из них пришла в голову мысль о мятеже и восстании, и вскоре в Казвине вспыхнуло возмущение.

Первой причиной восстания был отставной главный конюший. Он встретил на улице бывшего казначея, пошел с ним вместе и стал расспрашивать:

— Боже! Тебя ли я вижу, мирза Хабиб? Ну, что поговаривает народ о нашем новом государе?

Мирза Хабиб ответил:

— Народ уж теперь отвернулся от нового государя. Теперь уж его называют глупцом и бездельником.

— Ей-богу, мирза Хабиб, народ умнее нас. Они правду говорят. Господи боже мой! Какую глупость мы совершили! Какого-то неизвестного седельника возвели на престол и сделали себе государем. И беду

¹⁾ Медная монета, стоимостью около 5 коп.

²⁾ Серебряная монета, стоимостью около 3 руб.

на себя накликал. За нашу службу и верность он лишил нас должностей и по всей стране обесчестил, как собак. Ей-богу, больше такого бесчестия и не бывает, какое мы перенесли.

Казначей. Но, ведь, мы признали его государем по приказанию шаха Аббаса. Что мы могли сделать?

Главный конюший. Верно! Тогда шах Аббас был нашим государем, и нам нужно было повиноваться его приказаниям. Но теперь, когда нет шаха Аббаса, что нам мешают свергнуть с престола этого проклятого безбожника, который, говорят, верует в переселение душ, и убить его. А потом мы посадим на престол какого-нибудь дари́вча из дома Сефевидов, который по своему благородному происхождению будет достоин короны и трона.

Казначей. Да, ты хорошо говоришь. Я в этом отношении с тобой вполне согласен. Но что мы вдвоем можем сделать? Пойдем-ка к начальнику артиллерии и спросим его мнения. Ведь, он тоже из отставленных.

Оба они пошли в дом к начальнику артиллерии. Начальник артиллерии был очень рад их приходу. С большим интересом он выслушал их речи и во всем, что касалось восстания, с ними согласился. Он сказал:

— Но это дело без согласия начальника кавалерии Бакыр-хана не удастся. Мы с Бакыр-ханом большие друзья. Я беру на себя привлечь его к нашему делу. Я ему скажу, что в царствовании этого безбожного шаха Юсуфа и с ним может случиться такое же несчастье, какое неожиданно пришло на наши головы; надо, пока есть время, предупредить несчастье. Я уверен, что эти слова подействуют на Бакыр-хана, так как вчера на приеме шах на него сердился и бранил его за то, что он в пьяном виде пришел в мечеть для молитвы. Если Бакыр-хан на это дело согласится, с ним будет согласен и начальник пехоты Фарадж-хан, потому что Фарадж-хан — двоюродный брат Бакыр-хана и зять его и ни в чем ему не противоречит. А вы подумайте да идите к прежнему казвинскому генерал-губернатору и склоните его на свою сторону. Потом поручите ему посоветоваться с отставленным градоначальником и с начальниками городских кварталов об этом деле и узнать их мнение.

Заговорщики разошлись. Каждый из них пошел по своему делу. Все устроилось очень скоро. В течение трех-четырех дней переговаривали со всеми, с кем было нужно. Все согласилось на восстание и начали готовиться. Заговорщики решили окружить шахский дворец в среду утром, и, проникнув внутрь, свергнуть шаха Юсуфа с престола и убить его. Потом хотели выбрать нового государя из дома Сефевидов.

В назначенный день утром, когда еще не открывались ворота шахского дворца, дворец окружили конные и пехотные в полном вооружении. Узнав об этом, шах Юсуф приказал не открывать ворот. Таких непозволительных действий шах Юсуф ожидал от бывшего главного муллы Ахунда Самада, главнокомандующего Заман-хана, визиря мирзы Мухсина, министра финансов мирзы Яхьи, главного звездочета и мевляны Джемаль-эд-Дина, которые пользовались большим влиянием и явно ему не сочувствовали. Поэтому со дня своего восшествия на престол из предосторожности он и поса-

длн их в тюрьму. Но опасность грозила с другой стороны. Доброжелатели шаха Юсуфа, узнав об этом, стали большими толпами и вооруженные собираться тоже к шахскому дворцу. Они встали против заговорщиков, начали их усовещевать и уговаривать, чтобы они отказались от своего намерения, но бесполезно. Дело нельзя было поправить никакими переговорами. Схватились они друг с другом стреляться и биться. Настоящее светопреставление! С обеих сторон не жалели ни голов, ни душ. Наконец, перестрелка кончилась, бросились друг на друга с саблями и кинжалами. Кровь текла, точно вода. Сражение продолжалось три с половиной часа в крайнем ожесточении. С обеих сторон пало убитыми и ранеными около шести тысяч народу. Наконец, среди сторонников шаха Юсуфа появились слабость и расстройство, так как неблагодарный народ вышел из города и мало-по-малу стал присоединяться к бунтовщикам, что было причиной увеличения их численности и силы. Поэтому сторонники шаха Юсуфа были разбиты, и каждый старался унести как-нибудь с поля битвы свою голову и спасти свою душу. Мятежники бросились и сломали ворота шахского дворца, проникли внутрь и стали искать шаха Юсуфа, но не нашли. Шах Юсуф пропал. Одни говорят, что во время сражения он был среди своих сторонников, ободряя их своим присутствием, и был убит в сражении. Другие утверждают, что он незаметно вышел из толпы и скрылся. Короче, и среди убитых не было его тела, и в другом месте после этого дня он нигде не показывался. Мятежники разгромили дворец шаха и оттуда рассыпались по базару. Они разграбили все лавки и каравансарай. Потом перешли в еврейские и армянские улицы. Там всех разорили и разграбили. Много бесчинства и зла совершили. Зашло солнце. Всякий вернулся в свой дом и на свое место. Мятеж и волнение утихли.

На другой день главари заговора наскоро отправились в крепость, освободили из тюрьмы главнокомандующего Заман-хана, везиря мирзу Мухсина, министра финансов мирзу Яхью, мевляну Джемаль эд-Дин и главного звездочета, рассказали им о том, что произошло и спросили:

— Какого же царевича из дома Сефевидов вы считаете теперь достойным короны и трона?

Мевляна Джемаль эд-Дин сказал:

— Спаси вас бог! Скажите, которое теперь число?

Главный конюший ответил:

— Сегодня шестнадцатый день после нового года.

Мевляна обрадовался и сказал:

— Не горюйте! Восстание произошло вчера, значит, несчастье уже совершилось. Из Сефевидских царевичей ни один не годится на дарство. Все они глупы и слепы. Одних из них ослепил шах Исмаил II, а других сам шах Аббас. Ни один из них не годится, все вышли из дела. А государем нашим опять будет шах Аббас.—Главный конюший сказал:

— Мы его дарствованием очень довольны. В его время всем нам было хорошо. Что за польза вышла из того, что он отказался от трона и короны и скрылся с глаз? Теперь мы не знаем, где он.

Мевляна засмеялся и сказал:

— Для его отречения от трона и короны была причина. Теперь эта причина миновала. Мы знаем, куда он скрылся. Пойдем и приведем его во дворец.

Все встали и пошли к дому, в котором скрывался шах Аббас. Они взяли его и привели в шахский дворец. Попрежнему ему стали принадлежать трон и корона, все дела пошли старым порядком, как будто бы ничего и не было.

Удивляюсь я глупости звезд, как они не догадались, что персы их обманывают. Седельник Юсуф никогда не был персидским шахом. Персы притворно сделали его своим государем. Возможно ли такое неразумие, что звезды дали персам обмануть себя, погубили несчастного и неповинного седельника Юсуфа, оставили в стороне шаха Аббаса и не обращали внимания на его сорокалетние кровопролития и жестокости. Примером низкой жестокости шаха Аббаса было убийство его собственного сына; у двух сыновей он велел выковырять глаза. Больше сыновей у него не было. Ему наследовал его внук.

Но за что бранить звезды? У них не было вражды к личности шаха Аббаса. Им было нужно только в пятнадцатый день после нового года свергнуть с престола того, кто сидел государем в Персии, и сделать его несчастным. В это время на персидском престоле сидел седельник Юсуф. Поэтому звезды его и ввергли в несчастье. Звездам никогда и в мысль не приходило, что персы их обманут, вместо настоящего государя поставят под их удары государя поддельного.

Перевел с турецкого

П. Фалев.

